

ЛИНГВИСТИКА

Н. Б. Даржаева

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И УСИЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье впервые рассматриваются синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке, а также средства их усиления. Актуальность темы исследования определяется возрастающим значением антропоцентрической научной парадигмы и малой изученностью выражения эмоций в бурятских конструкциях. Цель данной статьи заключается в выявлении и описании синтаксических средств и стилистических фигур, передающих эмоциональное состояние человека, и средств усиления экспрессивности и эмоциональности в них. Автор придерживается распространенного мнения о том, что более всего эмоциональна диалогическая речь, располагающая только ей свойственным инвентарем средств выражения эмоций. Объект исследования — конструкции из диалогической речи героев художественных произведений. Методами исследования являются лингвистическое описание, контекстно-семантический анализ, интроспекция. Материалом исследования послужили тексты художественных произведений бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе. Автор рассматривает разнообразные эмоционально-экспрессивные синтаксические средства (обращения, вводные конструкции, неполные предложения, пунктуация) и стилистические фигуры (риторические восклицания, риторический вопрос, повторы). Замечено, что экспрессия и эмоциональность в рассматриваемых конструкциях дополнительно поддерживаются различными средствами усиления, сопровождающими полнозначные слова. Специфика бурятского языка состоит в использовании инфинитных форм вопросительного глагола *яа-* 'что делать, как быть' в качестве средств усиления эмоционального напряжения. Такими же средствами выступают вопросительное местоимение *юун* 'что' в сочетании с многозначной частицей *гээшээ*. Все рассмотренные частицы характеризуются эмоциональной диффузностью. В заключении автор приходит к выводу, что в бурятском языке широко используются типичные эмотивные синтаксические средства и стилистические фигуры, а средствами усиления в них экспрессивности и эмоциональности выступают грамматикализованные причастные и деепричастные формы от вопросительного глагола *яа-* 'что делать, как быть', а также вопросительное местоимение *юун* 'что' в сочетании с частицей *гээшээ*.

Ключевые слова: бурятский язык, эмотивный синтаксис, грамматикализация, средства выражения экспрессивности, усилительные частицы.

Трудно представить человеческую жизнь без эмоций, они сопровождают человека с рождения до самой смерти. В русском языкознании присутствует широкое понимание эмоции, вплоть до утверждения: «...в начале было не Слово, в начале была Эмоция, поскольку в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека...» (Шаховский, 2008: 10). Несомненна связь эмоций с мыслительной деятельностью человека: «...все эмоции имеют когнитивный базис (т. е. вызваны определенными мыслями или связаны с ними)» (Вежбицкая, 1996: 38). Всё возрастающий интерес лингвистов к проблеме выражения эмоций в языке связывают с развитием антропоцентрической научной парадигмы. «Сегодня уже практически нет сомнений в том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения» (Шаховский, 2008: 16). Следовательно, исследование языковых средств выражения эмоций является социально значимым,

---

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности, № 121031000258-9).

способствующим успешной коммуникации, регулирующим эмоциональные всплески, разрешающим конфликтные ситуации и т. п.

В отечественном языкознании разработка лингвистики эмоций связана с именем В. И. Шаховского, на чьи работы ученые опираются с 1969 г. по настоящее время. Основные результаты исследований по вербализации эмоций отражены в работах отечественных языковедов: Н. Д. Арутюновой (1990), Ю. С. Степанова (1994), В. Г. Гак (1996), С. В. Ионовой (1998, 2015), Н. А. Красавского (2001), Т. В. Лариной (2004, 2009, 2015), Я. А. Волковой (2014) и мн. др. Среди зарубежных авторов отметим: S. Niemeier, R. Dirven (1997), A. Wierzbicka (1996, 1999, 2001), Baider F., Cislaru G. (2014) и др.

В монгольских языках исследования на эту тему только начинаются (Одончимэг, 2010; Митриев, Есенова, 2013; Сундуева, 2018; Мулаева, 2020). В бурятском языке хорошо изучены структура и семантика эмотивных полипредикативных конструкций, в которых описываются эмоции (язык описания эмоций) (Скрибник, 1982, 2015). Такие конструкции противопоставлены синтаксическим средствам выражения эмоций (язык выражения эмоций), которые остаются пока неисследованными.

Каждый язык располагает своим арсеналом средств их выражения, которые могут быть как универсальными, так и специфичными. В нашей работе эмоциональность рассматривается в тесной связи с экспрессивностью, хотя существует традиция разделять их: «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна» (Галкина-Федорук, 1958: 121) или «...необходимо разграничить экспрессивные и эмоциональные элементы в языке, поскольку они служат выполнению разных задач, несмотря на взаимодополняемость (Гаджиева, 2019: 67). В этой статье мы рассмотрим эмоционально-экспрессивные синтаксические средства и стилистические фигуры, обнаруженные нами в бурятских текстах, а также представим способы усиления эмоциональности.

В теоретическом плане мы будем ориентироваться на средства, выявленные на материале русского языка. Так, в русистике выделяют разнообразные эмоционально-экспрессивные синтаксические средства (обращения, вводные и вставные конструкции, присоединительные конструкции, прямая речь, многие односоставные и неполные предложения, пунктуация) и стилистические приемы (инверсия, умолчание), а также стилистические фигуры (риторические восклицания, риторический вопрос, параллелизм, анафора, эпифора, эллипсис, многосоюзие, бессоюзие и т. д.) (Орлова, 2009, Голуб, 2014). Также достаточно изученными в русском языке являются частицы *как, так, какой, такой*, сопровождающие полнозначные слова (ср. английские *How* 'Как' и *What* 'Что' в вопросительных и восклицательных предложениях). «Функция этих слов заключается в эмоционально-субъективной оценке высказывания посредством акцентирования полнозначного слова, к которому относятся частицы» (Гушкова, 2014: 56). В бурятском языке также функционируют подобные частицы, усиливая эмоциональность слов и выражений.

Объектом исследования являются конструкции из диалогической речи в художественных произведениях, так как разговорная речь, как известно, характеризуется спонтанностью, неподготовленностью, стихийностью, и поэтому эмоционально нагружена: «Наибольшее раскрытие человеческие эмоции находят в процессе общения, например, в диалогической речи» (Орлова, 2009: 3). Примеры по большей части взяты из электронного Бурятского корпуса (далее БК), а также из рассказов журнала *Байгалай толон* и Цэрэна Галанова. Общий объем проанализированных диалогических конструкций составляет более двухсот единиц.

Перед изложением материала рассмотрим слова с эмоционально-субъективной оценкой, образованные от вопросительного глагола *яа-* 'что делать, как быть' почти во всех причастных и деепричастных формах: *яа-ха, яа-хан, яа-даг, яа-гаа, яа-жа, яа-на, яа-гши, яа-тар-аа, яа-башье, яа-шагуй, яа-хая(шье)*. В современном бурятском языке эти слова приобрели статус частиц, поскольку они утратили непосредственную связь с исходным глаголом и инфинитивными формами, и усиливают эмоциональную составляющую тех полнозначных

слов, к которым они относятся. Эти специфические частицы от причастных форм обычно сопровождают имена существительные и прилагательные, от деепричастных — глаголы и наречия. Кроме того, чрезвычайно частотной частицей является вопросительное слово *ямар* ‘какой’, встречающееся, как правило, с прилагательными (1900 употреблений в качестве усилительной частицы в БК). Усилители располагаются строго перед полнозначным словом. В следующем примере говорящий с помощью этой частицы усиливает негативный признак, выражаемый прилагательным *залхуу* ‘ленивый’:

- (1) — *Хүбүү-д-эй* хэ-хэ юумэ бэшэ-л даа энэ Баярмаа
 — Мальчик-pl-gen делать-рс.fut вещь neg-pcl pcl эта Б.
суглуула-г лэ, — ...
 собирать-imp pcl
 — Эх даа, **ямар** залхуу амитан *һэм-ши!*
 — Intrj pcl pcl ленивый существо pcl-2sg
 ‘— Эта работа не для мальчиков, пусть эта Баярмаа собирает, — ...
 — Эх, какой ленивый ты все же!’ (БК).

Следующее средство усиления эмоциональности — вопросительное слово *юун* ‘что’ с инфинитивными формами от глагола *гэ-* ‘говорить’ и/или с частицей утверждения *юм*, например, *юун-эй*, *юун-ш гэ-һэн*, *юун-(шье) г-ээшэ-б*, *юун...юм* и т.п. Частица *юун* занимает фиксированное положение — в начале предложения, перед полнозначным словом. Проиллюстрируем употребление этой частицы — в следующем диалоге она усиливает экспрессию реакции говорящего на сообщаемую новость про друга:

- (2) — *Цэдэнжаб-шни* *һая-хан* *хүбүү-тэй* *бол-оо, —...*
 — Ц.-poss2sg недавно-dim мальчик-проп станвится-рс.prs
 — **Юун** *гэ-һэн* *һонин* **юм!**
 — pcl аух-рс.pst интересный pcl(3)
 ‘— У Цыденжапа (твоего) недавно сын родился, — ....
 — До чего же интересно!’ (Цыренов, 1972: 20).

Отдельно стоит отметить полифункциональную частицу *гээшэ*, грамматикализованную форму от вспомогательного глагола говорения *гэ-* ‘говорить, сказать’ с аффиксом постоянно-го причастия *-АшА*. В Грамматиках её называют “показателем подлежащего и сказуемого” (ГБЯС: 30–32; 225), частицей “подтверждения с нейтральной или иронической окраской” (ГБЯС: 225) или служебным словом со значением ‘значит, следовательно, стало быть, ведь и т. п.’ (Скрибник, Даржаева, 2016: 243). В сочетании с полнозначными словами эта частица занимает постпозитивную позицию. Как и другие частицы, она характеризуется эмоциональной диффузностью, усиливая разноплановые эмоции:

- (3) *Эихэбтэр* *гээшэ-нь.*
 стыдно pcl-poss3
 ‘Так стыдно’ (БК)
- (4) *Зоригтой* *гээшэ-нь!*
 смелый pcl-poss3
 ‘Такой смелый! (с восхищением)’ (БК)

Между выражениями с усилительными частицами *ямар* и *гээшэ* обнаруживается функциональное различие — говорящий употребляет частицу *ямар* при непосредственной эмоциональной реакции-оценке на объект действительности, например:

- (5) *Тогоошо* *Тани-тай* *зэргэл-жэ* *хуу-гаад*, *сагаан* *түмэр*
 повар Т-сom сидеть рядом-cvb белый железный
табаг *соо-һоо* *халуун* *эдеэ халбага-да-ха* *зуураа*:
 тарелка pstp-abl горячий еда черпать-dat-рс.fut pstp
 — **Ямар** *амтатай-хан* *шүлэ шан-аа-б-та*, — *гэ-нэ*.
 — какой вкусный-dim суп варить-рс.prs-pcl-2pl говорить-ррс(3sg)
 ‘Тогоошо, усевшись рядом с Таней, и, черпая ложкой горячую еду из белой железной тарелки:
 — Какой вкусный суп сварили, — говорит’ (БК).

При употреблении частицы *гээшэ* возможна отложенная реакция-оценка, например:

- (6) — *Тэрэ* *басаган-тай* *ши* *танилс-аа* *һэн*
 — тот девушка-сom ты знакомиться-рс.prs pcl
гү-ш? — *гэжэ* *һура-ба-б*.
 q-2sg comp спрашивать-pst-1sg
 — *А-һаа*, *хөөрэлд-өө* *һэм* *танилс-аа-шье-б*, —
 — Ага, разговаривать-рс.prs pcl:poss1sg знакомиться-рс.prs-pcl-1sg
 ... *Һайн* *басаган...* *Сэбэр-хэн* *гээшэ-нь!*
 хороший девушка красивый-dim pcl-poss3
 ‘— Ты знакомился с той девушкой? — спросил я.
 — Ага, разговаривал, даже познакомился... Хорошая девушка. Такая красивая!’ (БК).

Итак, рассмотрим сначала обнаруженные нами в бурятских художественных текстах эмоционально-экспрессивные синтаксические средства, затем стилистические приемы и фигуры.

1. Обращения — очень распространенное средство выражения эмоционального отношения говорящего к другим действующим лицам: положительное (7), отрицательное (8). Примеры:

- (7) *Ай*, *барһа-мни* *даа*, *амиды* *гү-ш?*
 intj бедняга-poss1sg pcl живой q-2sg
 ‘Ай, бедняга мой, ты живой?’ (БК)

- (8) — *Томоотой* *бүдүүн* *хүн* *аад*, *тэнэг* *юумэ* *бү*
 — рассудительный серьезный человек pcl глупый вещь neg
дуугар-ыт *үгы!*
 говорить-imp2pl neg
 — *Ши*, *нохойн* *гүлгэн*, *намайе* *бү* *һурга!*
 — Ты собака:gen щенок меня neg учить:imp
 ‘— Не говорите глупые вещи, Вы ведь рассудительный и серьезный человек!
 — Ты, щенок, не учи меня!’ (БК).

Вводные конструкции также являются средством выражения эмоций говорящего. Так, вводная конструкция *шүдхэр абаашаг* ‘черт побери’ обычно передает досаду, гнев, но в следующем контексте выражает игривое настроение героя, усиливает его восхищение видом:

- (9) *Оө, шүдхэр абааша-г, яагаа най-хан юм!*
 intrj черт уносить-imp pcl красивый pcl(3)
 ‘О, черт побери, какой же красивый (о городе)!’ (БТ № 3, 1959, 45)

- (10) *Ай, бурхан зайл-уул, юу хэлэ-жэрхи-бэ-би-б?!*
 intrj бог удаляться-imp q говорить-intens-pst-1sg-pcl
 ‘Э, упаси бог, что же я сказал?!’ (БК)

С помощью вставной конструкции *халагни халаг* ‘как жаль, горе какое’ говорящий выражает сожаление, сокрушение:

- (11) *Халаг-ни халаг, юу-гээ хара-жа бай-гаа*
 intrj-poss1sg intrj что-refl смотреть-cvb aux-pc.prs
хум-та даа!
 человек-2pl pcl
 ‘Как жаль, ну куда же (вы) смотрели то!’ (БК)

Пунктуационное оформление эмоциональной интонации является универсальным средством отражения на письме эмоций говорящего. В бурятских текстах чаще всего встречаются предложения с восклицательными и вопросительными знаками, а также многоточие, но очень редко тире. Восклицательный знак сигнализирует о самых разнообразных эмоциях: от восторга, восхищения до ненависти и гнева. Пример с усилительной частицей *гээшэ*, повышающей степень выражения признака, а значит, и эмоциональности:

- (12) *Гоё гээшэ-нь!*
 красивый pcl-poss3
 ‘Такой красивый! (с большим восхищением)’ (БК)

С частицами эмоционально-субъективной оценки:

- (13) *Яаһан олон зула гээшэ-б!*
 pcl много свеча pcl-pcl
 ‘Как много свечей! (с большим удивлением)’ (БК)

- (14) *Юун жэгтэй юм!*
 pcl странный pcl(3)
 ‘Как странно! (с большим презрением)’ (БК)

В отличие от восклицательного знака, вопросительный знак менее экспрессивен:

- (15) *Юу хэлэ-нэ гээшэ-б-ши?*
 что говорить-prs pcl-pcl-2sg
 ‘Ну что ты говоришь?’ (БК)

С частицей в форме предельного деепричастия от вопросительного глагола *яа-*:

- (16) *Яатараа ойлго-жо яда-на-ш?*
 pcl понимать-cvb страдать-prs-2sg
 ‘Ну как же (ты) не можешь понять? (с большим недоумением)’ (Цыренов, 1972: 66).

- (17) *hэ, юун муухай хубсаһа-тай үхибүү-д гээшэ-б-та?*
 эй pcl грязный одежда-ргор ребенок-pl pcl-pcl-2pl
 ‘Эй, что вы за дети в такой грязнушей одежде?’ (Цыренов, 1972: 64).

Многоточие свидетельствует об эмоциональной паузе и, во-первых, выполняет дискурсивную функцию привлечения внимания собеседника на последующий фрагмент текста, содержащий важную информацию (18), во-вторых, указывает на размышления и умозаключения говорящего (19). Примеры:

- (18) *Яа-гаа-б даа... тэрэ... Улька-тай ехээр...*
 q-рс.prs-pcl pcl тот У.-com много
Ойро-нь бү хүр-өөрэй
 близко-poss3 neg трогать-imp
 ‘Что же... с той... Улькой много... Не трогай ее’ (БТ № 3, 1959, 34).

- (19) *Тээд яа-ха-б-ши...*
 Но q-рс.fut-pcl-2sg
 ‘Но что поделаешь...’ (БК).

Стилистические фигуры

Из стилистических фигур в бурятском языке нами отмечены риторический вопрос, риторическое восклицание и повтор.

Риторический вопрос — одна из самых распространенных фигур, с ее помощью выражается напряженное эмоциональное состояние говорящего. В отличие от обычного вопросительного предложения, здесь не требуется ответ на вопрос. Риторический вопрос может передавать следующие эмоции: гнев, досаду, изумление, раздражение, возмущение (20), сожаление (21) и т. п.

- (20) *Юун гэ-һэн юм гээшэ-б?*
 что аух-рс.pst pcl pcl-pcl
 ‘Да что же это такое?’ (БК).

- (21) *Зун бай-ха-яа яагаа гээшэ-б?*
 лето быть-рс.fut-refl pcl pcl-pcl
 ‘Ну почему сейчас не лето?’ (Цыренов, 1972: 42).

Риторическое восклицание — также является яркой выразительной фигурой в арсенале средств выражения эмоций в бурятском языке. В лингвистической литературе такие конструкции однозначно квалифицируются как эмоциональные, причем многие имеют типизированный характер. В следующем контексте говорящий сокрушается над ситуацией, когда, вернувшись после войны инвалидом, не может накормить своих детей:

- (22) *Юун гэ-һэн байдал гээшэ-б даа!*
 что аух-рс.pst жизнь pcl-pcl pcl
 ‘Ну что за жизнь!’ (БТ № 3, 1959, 25).

В следующем примере девушка возмущается из-за того, что пальто плохо очищается от снега:

- (23) *Юун гэ-һэн муухай саһан гээшэ-б!*
 что аух-рс.pst плохой снег рсl-рсl
 ‘Что за ужасный снег!’ (Цыренов, 1972: 3).

Эмоциональный настрой и решимость говорящего подчеркиваются усилительной частицей (вопросительный глагол в форме уступительного деепричастия) и восклицательным знаком на письме:

- (24) *Яабашье үнэн-ше-нь би мэдэ-хэ ёһотой-б!*
 рсl правда-асс-poss3 я знать-рс.fut должно-рсl
 ‘Во что бы то ни стало я должен узнать его правду!’ (БК).

Повтор как универсальное средство выражения эмоций также представлен в бурятских текстах:

- (25) *Бү бууда, Найдан, бү бууда!*
 пег стрелять:imp Н. пег стрелять:imp
 ‘Не стреляй, Найдан, не стреляй!’ (Цыренов, 1972: 31).

Встречается повтор глагольных форм от разных основ:

- (26) ... *Бууда-хая боли-ё, орхи-ё!*
 стрелять-cvb перестать-imp оставить-imp
 ‘Давай перестанем, давай бросим стрелять!’ (Цыренов, 1972: 31).

Таким образом, в бурятской диалогической письменной речи обнаруживаются все известные эмоционально-экспрессивные синтаксические средства и стилистические фигуры. Причем наблюдается преобладание риторических вопросительных и восклицательных конструкций, обращений, а также неполных конструкций. В меньшей степени встречаются такие стилистические приемы, как инверсия и умолчание — по всей видимости, это связано с жестким порядком слов в бурятском предложении. Этот вопрос требует более тщательного изучения. Далее отметим, что в усилении эмоционально-оценочного текста большую роль играют частицы, образованные от вопросительного глагола *яа-* ‘что делать, как поступить’ (причем грамматикализуются и употребляются почти все инфинитные формы от этого глагола). Усилителями выражения эмоций выступают также вопросительные слова *юун* ‘что’, *ямар* ‘какой’ в сочетании с частицей логического выделения *гээшэ* (от глагола речи *гэ-* в форме постоянного причастия *-ААшА*). Обнаружилось функциональное различие между употреблениями препозитивной частицы *ямар* и постпозитивной *гээшэнь*.

Литература:

- Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. / Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- Гаджиева А. Д.** Механизмы создания экспрессивности (на примере текстов выступлений англоязычных политических лидеров) // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 66–72.
- Гак В. Г.** Синтаксис эмоции и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 2031.
- Галкина-Федорук Е. М.** Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та академику В. В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во Московского университета, 1958. С. 103–124.
- Голуб И. Б.** Стилистика русского языка: Учеб. пособие. Москва: Рольф, Айрис-пресс, 1997. 448 с.

- Гушкова Л. В.** Средства усиления экспрессивности и эмоциональности высказывания в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 1. 2014. С. 56–60.
- Митриев И. М., Есенова Т. С.** Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков. *Oriental Studies*. 2013; 6(4). С. 56–60.
- Мулаева Н. М.** Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар». *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 4. С. 1103–1120.
- Одончимэг Т.** Оказиональная вербализация эмоций носителями монгольского и русского языков (на материале с отрывками фильмов) // Вестник АлтГТУ им. И. И. Ползунова. № 1–2. 2010.
- Орлова Н. Н.** Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы). Автореферат Дисс. ...канд. Ростов-на-Дону, 2009.
- Скрибник Е. К.** Эмотивные конструкции в бурятском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 83–90.
- Скрибник Е. К.** Скрепа гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 36–43.
- Сундуева Е. В.** Тени улыбки в монгольских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). С. 179–184.
- Baider F., Cislaru G.** Linguistic Approaches to Emotions in Context. Amsterdam: Benjamins, 2014.
- Emotions in Crosslinguistic Perspective / Ed. by J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. (Cognitive Linguistics Research 17).
- The Language of Emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven. John Benjamins Publishing Company, 1997.
- Wierzbicka A.** Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Источники:

- БК — Бурятский корпус, http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru
- БТ — Байгалай толон. № 3, 1959.
- Галанов Цэрэн.** Тайгын эзэн. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1972.

Даржаева Надежда Баировна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник.
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Ул. Сахьяновой, д. 6., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670047.
E-mail: dnadezhda@mail.ru

Материал поступил в редакцию 17 декабря 2021 г.

N. B. Darzhaeva

MEANS OF EXPRESSING AND INTENSIFICATION EMOTIONALITY IN THE BURYAT LANGUAGE²

The article considers syntactic means of expressing emotions, as well as means of their intensification at the first time in the Buryat linguistics. The topicality of the research is determined by the increasing importance of the anthropocentric scientific paradigm and the little study of the expression of emotions in Buryat constructions. The purpose of this article is to identify and describe the syntactic means and stylistic figures that convey the emotional state of a person, and the means of intensification the expressiveness and emotionality in them. The author adheres to the widespread opinion that the most emotional speech is dialogical speech, which has only its characteristic set of means of expressing emotions. The object of the research is constructions from dialogical speech of heroes in texts. The research methods are linguistic description, context-semantic analysis,

² The research was carried out within the state assignment (Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth, № 121031000258-9).

introspection. The material of the research was the texts of literary works of fiction by Buryat authors, including those posted in the electronic Buryat corpus. The author examines a variety of emotionally expressive syntactic means (addresses, introductory constructions, incomplete sentences, punctuation) and stylistic figures (rhetorical exclamations, rhetorical questions, repetitions). It is noticed that the expression and emotionality in the constructions under consideration are additionally supported by various means of intensification accompanying full-valued words. The specificity of the Buryat language consists in the use of the infinite forms of the interrogative verb *ya-* 'what to do, how to be' as a means of increasing emotional tension. The same means are used by the interrogative pronoun *yun* 'what' in combination with the polysemic particle *geeshe*. All considered particles are characterized by emotional diffuseness. The author comes to the conclusion that typical emotive syntactic means and stylistic figures are widely used in the Buryat language, and grammatical participial and adverbial forms from the interrogative verb *ya* — 'what to do, how to be', and also the interrogative pronoun *yun* 'what' in combination with the *geeshe* particle are too.

Keywords: *Buryat language, emotive syntax, grammaticalization, means of expressing expressiveness, amplifying particles.*

References:

- Vezhbickaya A.** YAzyk. Kul'tura. Poznanie. [Language. Culture. Cognition] / Perevod s anglijskogo, otvetstvennyj redaktor M. A. Krongauz. M.: Russkie slovari, 1996. 412 s.
- Gadzhieva A.D.** Mekhanizmy sozdaniya ekspressivnosti (na primere tekstov vystupenij angloyazychnyh politicheskikh liderov) [Mechanisms for creating expressiveness (on examples of English-speaking political leaders' speech texts)] // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 4 (76). S. 66–72.
- Gak V. G.** Sintaksis emocij i ocenok // Funkcional'naya semantika: ocenka, ekspressivnost', modal'nost'. [Syntax of emotion and evaluation // Functional semantic: evaluation, expressiveness, modality]. M.: In-t yazykoznaniya RAN, 1996. S. 20–31.
- Galkina-Fedoruk E. M.** Ob ekspressivnosti i emocional'nosti v yazyke // Sbornik statej po yazykoznaniyu. Professoru Mosk. un-ta akademiku V. V. Vinogradovu v den' ego 60-letiya. [About expressiveness and emotionality in language // Collection of articles on linguistics. On 60th anniversary of academic V. V. Vinogradov, prof. of Moscow University]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1958. S. 103–124.
- Golub I. B.** Stilistika russkogo yazyka: Ucheb. posobie. [Stylistics of Russian language: schoolbook] Moskva: Rol'f, Ajrispress, 1997. 448 s.
- Gushkova L. V.** Sredstva usileniya ekspressivnosti i emocional'nosti vyskazyvaniya v povesti N. V. Gogolya «Taras Bul'ba» [Means of intensification of expressiveness and emotionality in sentences of N. V. Gogol's novella «Taras Bul'ba»] // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». № 1. 2014. S. 56–60.
- Mitriev I. M., Esenova T. S.** Radost' i ulybka kak znaki emocional'noj sfery kalmykov. [Joy and smile as signs of emotional sphere of the Kalmyks] Oriental Studies. 2013; 6 (4). S. 56–60.
- Mulaeva N. M.** Emotivnye glagoly v kalmyckom geroicheskom epose «Dzhangar». [Kalmyk heroic epic of Jangar: emotive verbs] Oriental Studies. 2020. T. 13. № 4. S. 1103–1120.
- Odonchimeg T.** Okkazional'naya verbalizaciya emocij nositelyami mongol'skogo i russkogo yazykov (na materiale s otryvkami fil'mov) [Occasional verbalization of emotions by Mongolian and Russian speakers (on material from films' fragments)] // Vestnik AltGTU im. I. I. Polzunova. № 1–2. 2010.
- Orlova N. N.** YAzykovye sredstva vyrazheniya emocij: sintaksicheskij aspekt (na materiale sovremennoj anglijskoj prozy). [Linguistic means of expressing emotions: syntactic aspect] Avtoreferat Diss. ...kand. Rostov-na-Donu, 2009.
- Skribnik E. K.** Emotivnye konstrukcii v buryatskom yazyke [Emotive constructions in the Buryat language] // Grammaticheskie issledovaniya po yazykam Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1982. S. 83–90.
- Skribnik E. K.** Skrepa gezhe v buryatskikh emotivnykh konstrukcijah [Conjunction gezhe in Buryat emotive constructions] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2015. № 2. S. 36–43.
- Sundueva E. V.** Teni ulybki v mongol'skikh yazykah [Shades of smile in Mongolian languages] // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 6 (416). S. 179–184.
- Baider F., Cislaru G.** Linguistic Approaches to Emotions in Context. Amsterdam: Benjamins, 2014. Emotions in Crosslinguistic Perspective / Ed. by J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. (Cognitive Linguistics Research 17).

The Language of Emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven. John Benjamins Publishing Company, 1997.

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Source:

BK — Buryatskij korpus, http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

BT — Bajgalaj tolon. №3, 1959.

Galanov Ceren. Tajgyn ezen. [Master of the taiga]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1972.

Darzhaeva Nadezhda Bairovna, doctor of science (linguistics), senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies.

6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: dnadezhda@mail.ru